

5.7.8. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ / PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY, PHILOSOPHY OF CULTURE

УДК 1(091)

DOI: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.57-60

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКОЙ «НЕМОТЕ» ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

В.Л. Афанасьевский

ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (Самара, Россия)

Для цитирования: Афанасьевский В.Л. К вопросу о философской «немоте» древнерусской книжности. *Аспирантский вестник Поволжья*. 2022;22(3):57-60. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.57-60

■ Сведения об авторе

Афанасьевский В.Л. – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. ORCID: 0000-0002-4837-4533

E-mail: adler_vadim@mail.ru

Рукопись получена: 28.04.2022

Рецензия получена: 26.06.2022

Решение о публикации: 04.07.2022

■ Аннотация

Цель – рассмотреть процесс формирования русского философского дискурса. Автор исходит из позиции, что в книжной культуре древних русичей философский дискурс отсутствовал и оригинальная русская философия начала формироваться только в XVIII веке. Для книжности Древней Руси характерно отсутствие прямой связи с античной философской традицией. Идеи античных авторов попадали на Русь через Византию. Однако древние русские книжники воспринимали их в качестве «елинских борзостей», проявления язычества.

Автор приходит к выводу, что особенностью русской религиозной книжности выступает ее сущностная ориентация на греческую религиозную литературу IV-VI столетий. Но анализировать религиозные тексты историкам русской философии нужно обязательно, поскольку именно с их помощью можно понять специфику формирования русской интеллектуальной культуры.

■ **Ключевые слова:** Киевская Русь; Византия; философия; книжная культура; христианство; православие; религиозная литература; отцы Церкви; книжники; античная традиция.

■ **Конфликт интересов:** не заявлен.

ON THE PHILOSOPHICAL "DUMBNESS" OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

Vadim L. Afanasevskii

Samara Law Institute (Samara, Russia)

Citation: Afanasevskii VL. On the philosophical "dumbness" of ancient Russian literature. *Aspirantskiy vestnik Povolzhiya*. 2022;22(3):57-60. doi: 10.55531/2072-2354.2022.22.3.57-60

■ Information about author

Vadim L. Afanasevskii – PhD, Associate professor, Department of Theory and History of State and Law. ORCID: 0000-0002-4837-4533

E-mail: adler_vadim@mail.ru

Received: 28.04.2022

Revision Received: 26.06.2022

Accepted: 04.07.2022

■ Abstract

Aim – to review the process of formation of Russian philosophical discourse. The author supports the position that there was no philosophical discourse in the literature of the ancient Russians, and the original Russian philosophy began to form only in the 18th century. The books of Ancient Russia are characterized by the absence of a direct connection with the ancient philosophical tradition. The ideas of Ancient authors came to Russia through Byzantium. However, the ancient Russian scribes perceived them as "Hellenic sophistry" and manifestations of paganism.

The author comes to the conclusion that the Russian religious literature is specific for its essential orientation to the Greek religious literature of the IV-VI centuries. Russian philosophy historians can understand better the specifics of the Russian intellectual culture analyzing religious texts.

■ **Keywords:** Kievan Rus; Byzantium; philosophy; bookish culture; Christianity; Orthodoxy; religious literature; Church fathers; scribes; ancient tradition.

■ **Conflict of interest:** nothing to disclose.

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость изучения истории русской философии все еще является серьезной задачей философов-исследователей. К настоящему времени в распоряжении ученых находятся серьезные труды, в которых представлены глубокие исследования концепций русских мыслителей. Историю русской философии освещали философы русского послеоктябрьского зарубежья [1], советские исследователи [2], историки философии современной России [3]. Серьезный вклад в исследование русской философской мысли внес польский ученый А. Валицкий [4]. При анализе доступной научной литературы можно констатировать, что исследователи концентрируют свое внимание на периоде истории русской философии XVIII – первой трети XX столетий. Пожалуй,

только А.Ф. Замалеев и Л.В. Поляков в своих трудах принимали попытки эксплицировать определенное философское содержание в древнерусской книжности. Однако в основном получалось высветить то, что можно маркировать как мировоззренческие аспекты. Возможно, поэтому исследователи достаточно часто позиционируют идеи древнерусской книжности как общественную мысль [5].

В исследованиях по русской философии можно вычленировать две точки зрения, касающиеся времени формирования русской философской мысли. Первая – история оригинальной русской философии именно в качестве теоретической мысли начинается только с XVIII или даже с XIX столетий. Вторая – памятники русской письменности носят нефилософский характер, что следует

из обзоров летописных сводов, художественной, житийной литературы и т.д.

«НЕМОТА» ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Возникновение и становление духовных феноменов возможно только при наличии определенных социокультурных условий, которые представляют собой экзистенциальные и историко-культурные предпосылки. Исходя из этого, в течение длительного времени «...древнерусская культура оставалась безгласной и точно немой. Русский дух не сказался в словесном и мысленном творчестве» [6:12]. Интересы книжников периода Киевской Руси при выстраивании своего способа воззрения на мироздание характеризуются отсутствием теологических и собственно философских размышлений.

Причина «немоты» древнерусской культуры, по-видимому, связана с тем, что, приобщившись к книжному интеллекту Болгарии эпохи Симеона Великого и получив христианство в форме православия на старорусском языке, киевские русичи не сочли возможным воспринять и традицию философских построений античного мира: «...Россия получила свое христианство не от Рима, а от Византии и, следовательно, не на латинском языке, а на болгарско-македонском диалекте» [7:588]. И этот факт имел далеко идущие последствия и смыслы. Философские изыскания византийцев не смогли пробудить собственно русскую интеллектуальную культуру. У русских книжников отсутствовали как археологическая, так и лингвистическая преемственность к ценностям Римской империи, не выработалось чувства причастности к общему культурно-историческому пространству, к античным традициям. Однако византийская философская традиция сумела вызвать к жизни русскую духовную культуру и, прежде всего, в области религиозных изысков как адаптации православного христианства к культурному своеобразию восточных славян.

ГДЕ И КАК ИСКАТЬ ФИЛОСОФСКУЮ ПРОБЛЕМАТИКУ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ РУССКИХ ТЕКСТАХ?

Отсутствие в Киевской Руси исторического периода, подобного античности, заставляет исследователей обращаться к характеристике форм средневекового мышления. Не касаясь вопроса о правомерности подобного привязывания русской письменности к Средневековью и очень важного вопроса о хронологических рамках этого периода, обратимся к понятию «средневековая философия». В условиях принявшей христианство Киевской Руси мы имеем дело с религиозным мирозерцанием, которое в странах Западной Европы соответствует периоду Средних веков. Соответственно и облик философствования может быть описан в терминах средневековой интеллектуальной традиции, спецификой которой выступает теснейшая связь с религиозным мирозерцанием, базирующимся на монотеизме и божественном Откровении. Этот факт задавал пространство проблем философствования и предопределял набор инструментов для их решения. Причем важно отметить, что философская проблематика не растворялась в пучине христианского вероучения. Характерное для западного философствования

частичное растворение философской проблематики в религиозном сознании наглядно проявилось в доминировании в древнерусском рукописном наследии литературы церковного или церковно-литургического характера [8]. Именно поэтому для описания философских опытов русичей важно исследовать и русские церковно-служебные книги, и памятники переводной богословской литературы, широко функционировавшей на Руси, и первые попытки доморощенного богословского философствования. Подчеркивание значимости переводной литературы можно зафиксировать уже в произведении Черноризца Храбра «О письменах»: «Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письма или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них (это) знает. Если же спросишь славянских книжников, ... то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письма создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его» [9:104]. Кирилло-мефодиевская традиция всегда присутствовала как один из основных компонентов в духовной культуре Киевской Руси. Противостояние двух миров – западноевропейского и восточнославянского, двух цивилизаций – латинской и православной как борьба двух философско-идеологических просветительских установок, начатая славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием в Моравии и Паннонии и продолженная их последователями – епископами Климентом, Константином, Наумом Охридским и другими – была унаследована Киевской Русью и прошла через историю ее духовного становления и развития. Однако говорить о существовании философского теоретического текста, скорее всего, будет искажением реального положения дел. Недаром крупный русский мыслитель Г.Г. Шпет назвал этот период становления русской интеллектуальной культуры «невегласием», т.е. невежеством. Духовная культура Киевской Руси в течение долгого времени определялась «отсутствием нужд и интересов в теоретическом обосновании или анализе веры и вероучения» [10:78]. Исходя из ситуации «невегласия», сформировать рационально-теоретический философский дискурс было невозможно. Для книжности Руси характерно формирование особого образа культуры, который не имел ничего общего с интеллектуальной культурой Западной Европы и Византии. В силу объективных причин русичи не получили доступа к образованности классического типа, у них отсутствовала «школьная» традиция приобщения к философским текстам и теологии. У русичей доминировало не рациональное, образное мировосприятие, «умозрение в красках» (П.А. Флоренский), а при таком типе знания университеты становятся излишними.

Русские книжники, особенно церковные иерархи, далеко не формально отдавали высокую дань Святому Писанию, церковной и богословской литературе. Например, святитель Кирилл Туровский в своей притче говорил о пользе понимания смысла Святого Писания: «Поэтому и прошу вас, постарайтесь прилежно читать святые книги, чтобы, божьим насытись словом, вечной жизни несказанного блаженства достичь...» [11:292]. «Святые книги» на Руси не только прилежно переписывались и читались, но и усердно комментировались. Уже митрополит Климент Смолятич одно из своих посланий заканчивал такими словами: «...Изложил

я шестнадцать рассказов, удивительных и похвалы достойных, которые не даются в церковном чтении из-за величия мысли и глубины, за сокровенный смысл и глубокий» [11:289]. Значительно позже, в XVIII в., М.В. Ломоносов писал о пользе церковных книг: «В древние времена, когда словенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на словенский для славословия божия» [12:51-52]. Признавая необходимость славословия божественного творца и его промысла, М.В. Ломоносов разделял сферы богословия и науки как не противоречащие друг другу. При этом он считал необходимым принимать во внимание размышления одного из величайших отцов восточной церкви Василия Великого, который, по его мнению, представлял как философ и святой, способный проникать в истину.

«Греческий закон», о котором писал М.В. Ломоносов, и православный клир киевским русичам транслировала Византийская империя, но все же, скорее всего, большая часть произведений античных авторов пришла в распоряжение русских неофитов из болгарского государства. После развала царства Болгарского в конце X – начале XI столетий многие болгарские беженцы, прибыв на Русь, заняли в русской церковной иерархии позиции низшего и среднего священства. Можно предположить, что именно они и доставили в Киевское государство многие рукописи и церковно-славянские книги. Характерной особенностью болгарских и русских книжников была их ориентированность на классиков греческой церковной литературы IV–VI вв. Патриотическая литература составляла огромную часть древнерусской письменности. А.В. Горский и К.И. Невоструев, описавшие и систематизировавшие рукописи Московской синодальной библиотеки, пришли к выводу о том, что на Руси был «...большой запас переводов отеческих писателей, какого не представляет ни одна древняя литература новых западных народов» [13:VI].

Особое внимание книжники Киевской Руси обращали на религиозные труды крупных богословов каппадокийской школы IV столетия, прежде всего святых Григория Нисского, Григория Богослова, Василия Великого. Всех представителей каппадокийской школы отличала направленность на осознанное ортодоксальное православие. Этот факт и делал их значимыми для русских книжников-неофилов. Православное мирозерцание, завоевывавшее господствующее положение в Киевской Руси и становившееся определяющим фактором развития духовной культуры, ориентировало своих служителей и почитателей на восточных «отцов Церкви». Уже древние критики христианства усматривали в нем черты и элементы стоицизма, платонизма и аристотелизма. Особенно много общих черт у христианства с платонизмом, хотя основы христианства и платонизма различны. Средневековый теолог и философ Тертулиан, подчеркивая это различие, задавался вопросом о том, что можно найти общего у Иерусалима и Афин,

у христианской Церкви и платоновской Академии? Афины и Иерусалим были своеобразной формулой, позволяющей различать христианское вероучение и собственно философические вкрапления в религиозных текстах [14]. Вообще христианское вероучение предстает по своим основаниям как принципиально различные интеллектуальные построения. Однако справедливости ради необходимо констатировать, что «христианизация» учений неоплатоников и даже концепции самого Платона все же оказали некоторое влияние на формирование христианских идей [15]. В период схоластики ведущим авторитетом для католических теологов стали определенным образом переработанные идеи Аристотеля, что нашло свое концентрированное выражение в «Сумме теологии» Фомы Аквинского. Именно это и определило направленность развития философии схоластов.

В советской и российской историко-культурной литературе стал часто подниматься и муссироваться вопрос об уместности и в определенных случаях даже о необходимости обращаться к философским основаниям нефилологических текстов (общественно-политическим, конкретно-научным, художественным и т.д.) [16]. К таким «нефилологическим текстам», в основании которых лежат философские учения Платона и Аристотеля, можно отнести церковно-служебные и богословские памятники переводной и русской книжности. Здесь необходимо обратить внимание на то, что в Киеве была известна только та переведенная на древнеславянский язык византийская литература, которая явно представляет собрание библиотеки греческого монастыря из далекой византийской провинции. И если византийские книжники считали античных авторов образцом для своего творчества, а их изучение было обязательно при получении образования, то славянские книжники знание идей классиков античности необходимым не считали. Более того, философские построения античных авторов воспринимались русичами в качестве антихристианской и языческой традиции, и «елинские борзости» считались не имеющими культурного значения. Это приводило к тому, что русичи должны были работать именно с трудами отцов восточной Церкви (Григория Нисского, Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина и некоторых других), поскольку как авторы Киева, так и авторы Московского государства (здесь необходимо отметить, что ситуация у москвитов была еще более ущербной) работали только с теми текстами, которые они могли успешно усваивать. В основном это и были церковно-литургические, агиографические и летописные тексты. Теологические тексты с элементами философствования читались крайне редко и еще реже понимались. Русское боярство, дворянское сословие и священство так и смогли трансформироваться в интеллектуальную элиту Руси.

В случае игнорирования памятников русской духовной письменности и при отсутствии ориентации на вычленение философского слоя в каком-либо религиозном тексте перед историком русской философской культуры появляются серьезные трудности. Основная из них заключается в сложности работы с подобными текстами: требуется умение противопоставить теологическому толкованию священных текстов герменевтику философского типа как важнейшего элемента любого историко-философского

исследования, особенно в тех случаях, когда предметом исследования являются религиозные тексты. В качестве примера можно указать на антиномизм и парадоксию, лежащие в основе христианского способа мышления, как на философский аналог диалектики. Другой трудностью является необходимость обосновать правомерность обращения к религиозной проблематике. Методология историко-культурного исследования должна быть в состоянии помогать исследователю в экспликации и разрешении определенных проблем богословского «философствования», которые представляют собой глубинный коллективный пласт духовной культуры конкретного социокультурного региона.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов, требующего раскрытия в данной статье.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. A.I. Vvedensky, A.F. Losev, E.L. Radlov, G.G. Shpet: *Essays on history (rus. Philosophy)*. Sverdlovsk, 1991. (In Russ.). [А.И. Введенский, А.Ф. Лосев, Э.Л. Радлов, Г.Г. Шпет: *Очерки истории (рус. философии)*. Свердловск, 1991].
2. Zamaleev A.F. *Philosophical Thought in Medieval Russia (XI-XVI centuries)*. L., 1987. (In Russ.). [Замалеев А.Ф. *Философская мысль в средневековой Руси (XI-XVI вв.)*. Л., 1987].
3. Sapronov P.A. *Russian Philosophy. The Problem of Originality and the Main Lines of Development*. SPb., 2008. (In Russ.). [Сапронов П.А. *Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития*. СПб., 2008].
4. Valitsky A. *History of Russian Thought from Enlightenment to Marxism*. M., 2013. (In Russ.). [Валицкий А. *История русской мысли от Просвещения до марксизма*. М., 2013].
5. *Public Thought of Slavic Peoples in the Early Middle Ages*. Ed. by B. N. Florya. M., 2009. (In Russ.). [Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего Средневековья. Под ред. Б.Н. Флоры. М., 2009].
6. Florovsky G. *Paths of Russian Theology*. M., 2009. (In Russ.). [Флоровский Г. *Пути русского богословия*. М., 2009].
7. Stepan FA. *Spirit, Face and Style of Russian Culture*. M., 2000. (In Russ.). [Степун Ф.А. *Дух, лицо и стиль русской культуры*. М., 2000].
8. Levshun LV. *History of the East Slavic Book Word in the XI-XVII centuries*. Minsk, 2001. (In Russ.). [Левшун Л.В. *История восточнославянского книжного слова XI-XVII вв.* Минск, 2001].
9. *The Tale of the Beginning of the Slavic Script*. M., 1981. (In Russ.). [Сказание о начале славянской письменности. М., 1981].
10. Shpet GG. *Sketch of the Development of Russian Philosophy*. M., 2008. (In Russ.). [Шпет Г.Г. *Очерк развития русской философии*. М., 2008].
11. Turovsky Cyril. *The parable of the human soul and the body, and the violation of God's commandment, and the resurrection of the human body, and the terrible judgment, and torture*. In: *Monuments of the literature of Ancient Rus'*. M., 1980. (In Russ.). [Туровский Кирилл. *Притча о человеческой душе и о теле, и о нарушении божьей заповеди, и о воскресении тела человеческого, и о страшном суде, и о мучении*. В кн.: *Памятники литературы Древней Руси*. М., 1980].
12. Lomonosov MV. *Preface on the usefulness of church books in the Russian language*. M., L., 1952. (In Russ.). [Ломоносов М.В. *Предисловие о пользе книг церковных в российском языке*. М., Л., 1952].
13. Gorsky AV, Nevostruyev KI. *Description of the Manuscripts of the Moscow Synodal Library*. M., 1859. (In Russ.). [Горский А.В., Невоструев К.И. *Описание рукописей Московской синодальной библиотеки*. М., 1859].
14. Tertullian. *Selected Works*. M., 1994. (In Russ.). [Тертулиан. *Избранные сочинения*. М., 1994].
15. Losev AF. *Commentary on the dialogue "Timaeus"*. M., 1971. (In Russ.). [Лосев А.Ф. *Комментарий к диалогу «Тимей»*. М., 1971].
16. Gorsky VS. *Methodological problems of the history of philosophy and social thought*. M., 1977. (In Russ.). [Горский В.С. *Методологические проблемы истории философии и общественной мысли*. М., 1977].

■ Автор для переписки

Афанасьевский Вадим Леонидович
Адрес: ул. Высоцкого, 3, кв. 80, г. Самара, Россия, 443099.

■ Corresponding Author

Vadim L. Afanasevskii
Address: ap. 80, 3 Vysotskii st., Samara, Russia, 443992.

E-mail: adler_vadim@mail.ru